

ИСТОРИЯ

УДК 94(47-12):392.77:[343.43+343.7]"17"

С.В. Джунджузов

БАРАНТА КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ФРОНТИРЕ РОССИИ В 40–50-х гг. XVIII в.

Рассматривается обоснование и использование российскими властями баранты (заложничества) в качестве правового института в отношениях с кочевыми народами юго-восточного фронта в 40–50-х гг. XVIII в. Инициатором ее применения выступил правитель Младшего жуза хан Абулхайр. Отмечается, что в контексте геополитических реалий XVIII столетия баранта, как способ пресечения локального конфликта, ограничивала потенциал его дальнейшего распространения, обеспечивала правовую базу для ведения переговоров и удовлетворения претензий конфликтующих сторон.

Ключевые слова: баранта; губернатор; заложничество; конфликт; право; фронт.

«История под ударом» – именно так следует трактовать коллизии исторической памяти, наблюдаемые в последнее время в странах, еще недавно гордившихся своей принадлежностью к европейской цивилизации. Их смысл заключается в переносе ценностей современного гражданского общества на процессы и события прошедших эпох. В результате вчерашние герои становятся изгоями, сносятся поставленные в их честь памятники, их имена вычеркиваются из названий улиц и других социальных объектов. Вина этих людей заключается в том, что они принадлежали к сословиям господ в эпоху рабства или феодализма либо являлись яркими представителями колониальных империй. К числу таких государств многие историки из стран ближнего и дальнего зарубежья относят Российскую империю [1; 2. С. 112–114; 3]. При этом они часто оперируют фактами, вырванными из исторического контекста, за что современная российская историография их обоснованно критикует как с теоретических [4–5], так и с конкретно-исторических позиций [6–8]. В настоящей статье данная проблема будет рассмотрена на примере внедрения российскими властями практики применения баранты (заложничества) в качестве правового института в отношениях с кочевыми народами юго-восточного фронта к середине XVIII в.

Документальной основой для проведения исследования послужили материалы из фонда «Оренбургской губернской канцелярии» Государственного архива Оренбургской области. Наиболее значимыми из них являются: «Выписка из доношений тайного советника и оренбургского губернатора Неплюева от 12 по 25 октября и бригадира Тевкелева от 24 сентября по 24 декабря 1748 года с рассуждением Коллегии иностранных дел 1749 года» о целесообразности использования баранты [9. Л. 101–107], распоряжения И.И. Неплюева и донесения офицеров о ее фактическом применении [10. Л. 33–34; 11. Л. 119–120, 133–134 об., 365].

В конце 1748 г., через 18 лет после вхождения Младшего казахского (киргиз-кайсацкого) жуза в российское подданство, в числе прочего Коллегия иностранных дел запросила мнение оренбургского губернатора И.И. Неплюева и авторитетного военного администратора и дипломата, бригадира А.И. Тевкелева об использовании баранты как средства силового воз-

действия на родовую казахскую знать. Причем, как следует из переписки, «баранта» понималась в более узком смысле, по сравнению со словарным толкованием этого термина. Вопрос ставился о правомерности захвата заложников из представителей тех родов, чьи родственники были заподозрены в совершении преступлений в отношении российских подданных или экономических интересов Российской империи. Это могли быть разбойные нападения на населенные пункты, захват скота и пленение людей, ограбления российских и иностранных купеческих караванов. Как выяснилось, отношение к баранте, как средству умиротворения степного народа, у высокопоставленных оренбургских чиновников сложилось диаметрально противоположное.

Алексей Иванович (Кутлу-Мухаммед) Тевкелев происходил из рода татарских мурз. Знание восточных языков и незаурядные способности позволили ему, рядовому переводчику при Коллегии иностранных дел, выдвинуться в число выдающихся российских дипломатов своего времени. К началу 1730-х гг. А.И. Тевкелев имел опыт дипломатических сношений с Персией, Турцией и Калмыцким ханством. В 1731 г. Тевкелев возглавил дипломатическую миссию, направленную в Казахскую степь для заключения договора с ханом Младшего жуза Абулхайром. Он не только добился подписания присяги казахским ханом и знатными старшинами о вступлении в российское подданство, но и сумел наладить с Абулхайром доверительные отношения, которые сохранялись между ними до смерти хана в 1748 г. В период обострения отношений между ханом Абулхайром и губернатором И.И. Неплюевым «приятельство» Тевкелева с казахским правителем позволило избежать значительных военных конфликтов. Неоднократные поездки А.И. Тевкелева в ханскую ставку не ограничивались одними лишь представительскими обязанностями. По поручению правительства он занимался сбором сведений, касавшихся истории, экономики, социальных отношений, права и других аспектов жизни казахского народа и его правителей, а также их отношений с соседними странами и народами [12. С. 68–76]. В результате ни одно значимое правительственное решение по «киргиз кайсацкому» вопросу не обходилось без запроса мнения А.И. Тевкелева.

Бригадир Тевкелев решительно поддержал идею задержания невинных сородичей преступника. Баранту он назвал нужным делом, без которого «сколько не трудиться, киргис кайсацкий народ от предерзостей удерживать и в послушание в скором времени привести никак не возможно» [9. Л. 98]. Далее А.И. Тевкелев в четырех пунктах, ссылаясь на исторический опыт, обосновывает правомерность применения баранты. В первую очередь бригадир сослался на мнение Нурали-хана, который неоднократно и в письмах, и при личных встречах «оную баранту за весьма нужное признавал». Предвидя замечание о том, что сами казахи людей в баранту не берут, а только скот отгоняют, Тевкелев пояснил, что у скотоводов просто нет возможности держать заложников в заточении или под постоянным присмотром. Далее он призвал не опасаться негативной реакции родовых старшин против мнения хана и султанов. Они возражать не станут, «ибо у них, киргизцов, то и право, что баранта» [9. Л. 98 об.]. Содержать заложников Тевкелев предполагал как в Оренбурге, так и в Орской крепости. Даже если из-за дальности расстояния от их кочевий и угрозы баранты казахи станут пренебрегать оренбургским торгом, то от поездок в Орск за нужными товарами они отказаться не смогут.

В заключение в качестве примера бригадир Тевкелев сослался на опыт правления калмыцкого Аюки-хана, который, даже став почти самовластным правителем, без баранты обойтись не мог [9. Л. 98 об.].

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев считал, что баранта в качестве средства давления на казахов и другие азиатские народы не только бесполезна, но даже вредна для интересов России. Свое представление в Коллегию иностранных дел он изложил в восьми пунктах. В первых двух пунктах губернатор рассмотрел использование баранты самими казахами и в соседних с ними «городских» странах. Казахи прибегали к баранте всякий раз, когда между ними случались ссоры или убийства. Как уже говорилось выше, пострадавшая сторона отгоняла принадлежавший обидчикам скот и лошадей. Баранта удерживалась ими до тех пор, пока враждующие стороны между собой не договаривались самостоятельно. В противном случае претензии истцов должны были разрешаться в третьей либо ханском суде. Однако случалось и так, что вражда между родами и семьями затягивалась на 20–30 лет.

Применение баранты со стороны бухарских и хивинских правителей И.И. Неплюев расценивал как проявление слабости. Они практиковали удержание приезжавших в их города казахских торговцев до тех пор, пока их сородичи не возвратят награбленное имущество. В качестве образца поведения, достойного подражания, оренбургский губернатор ссылается на действия джунгарских и волжских калмыцких нойонов (владельцев). Всякий раз, когда у них случались ссоры с казахскими ханами и прочими султанами и старшинами, они собираются всей ордой и «всегда с ними не барантою, но военною рукою управляется» [9. Л. 99].

Чтобы лучше понять воинственную риторику И.И. Неплюева, обратимся к некоторым аспектам его

послужной дипломатической деятельности и специфике выстраивания отношений с ханом Абулхаиром и другими казахскими правителями на посту оренбургского губернатора.

На государственную службу Иван Неплюев попал в силу петровского указа о недорослях от 20 января 1714 г. К тому времени «недорослю» Неплюеву уже исполнился 21 год. Учеба в Нарвской навигацонной школе, Петербургской морской академии, стажировка на военно-морских судах в Венеции, наконец, покровительство самого императора Петра I, казалось, предрекали И.И. Неплюеву блистательную карьеру морского офицера. Но в январе 1721 г. он неожиданно получает назначение на должность резидента при дворе турецкого султана. Российскую миссию в Константинополе И.И. Неплюев возглавлял до 1734 г.

Военно-морская служба в период славных побед русского флота на Балтике, внушаемая с гардемаринской скамьи вера в несокрушимую мощь Российской державы, оказали влияние на отношение И.И. Неплюева к дипломатической службе. Как чиновник и дипломат он был весьма инициативным, но только в пределах дозволенного вышестоящим начальством, и, одновременно, послушным и исполнительным. Решать дипломатические проблемы предпочитал с позиции силы, порой переоценивая возможности ее использования. Именно И.И. Неплюев в 1735 г. выступил решительным сторонником войны с Османской империей. Он уверял правительство, что выдвижение к турецкой границе одного малого русского корпуса будет достаточно, чтобы султан запросил мира [13. С. 192–193]. В результате военные расходы казны и многотысячные людские потери русско-турецкой войны 1735–1740 гг. не шли ни в какое сравнение с ничтожными территориальными приобретениями на черноморском побережье Северного Кавказа.

В 1742 г. И.И. Неплюев был назначен начальником Оренбургской комиссии, а в 1744 г. оренбургским губернатором. Как главе приграничного региона ему были поручены дипломатические сношения с казахскими жузами и другими центрально-азиатскими странами и народами. На протяжении семи лет его ведущим дипломатическим партнером и оппонентом выступал хан Абулхаир. Из донесений дипломатических агентов, выезжавших с поручениями в казахские кочевья, писем казахских султанов и старшин, наконец, после личной встречи с ханом, И.И. Неплюев сделал вывод, что Абулхаир не обладает достаточной силой и авторитетом для удержания в узде строптивой казахской знати. Собственно, правитель Младшего жуза и не скрывал непрочность своего положения. Выполнение обязательств перед Россией и Оренбургской администрацией он ставил в прямую зависимость с распространением своей власти на весь казахский народ [14. С. 171]. В донесении в Коллегию иностранных дел от 27 сентября 1742 г. И.И. Неплюев характеризовал Абулхаир-хана как человека лживого и высокомерного, сознательно опорочившего хана Среднего жуза Абулмамбета [15. С. 254]. Негативное отношение И.И. Неплюева к Абулхаир-хану со временем только усиливалось.

В свою очередь Абулхаир также не скрывал своих претензий к оренбургскому губернатору, он их изложил в личном послании императрице Елизавете Петровне, доставленном в Санкт-Петербург в ноябре 1747 г. Хан обвинял И.И. Неплюева в том, что он злонамеренно, на протяжении многих лет держит его сына Кожаммета в аманатах. Не позволяет ему, хану, иметь резиденцию в Оренбурге, городе, который, по его убеждению, был для него построен русским правительством. Наконец, он возмущался тем обстоятельством, что его недругов из Среднего жуза — Абулмамбет-хана и Барак-султана — губернатор выше него почитает [16. Л. 25–26]. Были и другие поводы для недовольства, возникавшие и затихавшие по мере развития политической ситуации. К тому же Абулхаир выражал уверенность, что губернатор Неплюев намеренно не информирует правительство о его нуждах и скрывает от него самого содержание высочайших указов. Последнее замечание относилось и к баранте.

Именно Абулхаир-хан выступил инициатором задержания и содержания в заложниках в русских крепостях родственников казахов, провинившихся перед ним и российскими властями. О распространении у казахов этого правового обычая правитель Малого жуза дал русской императрице следующее пояснение (1743 г.): «А у нас, у дикого народа, такой обычай, что в котором роду какое будет дело, то ис того роду людей удерживать надлежит, как же то окончатся, то и оные удержанные выпускаются» [15. С. 298]. В качестве предлога Абулхаир-хан решил воспользоваться требованием русского правительства о задержании Карасакала, одного из главных предводителей башкирского восстания второй половины 1730-х гг., который скрывался у казахов Среднего жуза Бурма-Найманского рода. По распоряжению хана были задержаны и отправлены в Оренбург тридцать представителей этого рода. В качестве ответного жеста он надеялся получить от тогда еще начальника Оренбургской комиссии военную поддержку под расплывчато обозначенную задачу «для отправления кайсацких дел». И.И. Неплюев распорядился заложников отпустить и никаких войск в степь не посылать [15. С. 291].

Следующий подобный демарш по склонению оренбургской губернской администрации к задержанию указанных им казахов хан Абулхаир предпринял в 1747 г. На этот раз он воспользовался строгим требованием российской стороны о возвращении более 600 калмыков и других российских подданных, плененных казахами в низовьях Волги в 1746 г. Из Оренбурга для поиска и возвращения пленных в ханскую ставку был направлен переводчик Арслан Бехметев. Вот тогда и предложил Абулхаир губернатору И.И. Неплюеву задержать до тридцати казахских торговцев, находившихся в то время в Оренбурге. При чем переводчик А. Бехметев заверял, что «оной хан, сколько ни старался о выборе пленных, но киргизцы на то добровольно не склонялись» [9. Л. 102 об.]. Губернатор связал просьбу хана с обидой за содержание в аманатах его сына и стремлением вызвать озлобление в народных массах. Абулхаир, недовольный без-

действием И.И. Неплюева, приказал задержать переводчика Бехметева, а собранных для отправки в Оренбург российских пленников вновь раздать казахским хозяевам. Мотивы своего поведения казахский правитель оправдывал не только нанесенным ему оскорблением, но и заботой о сохранении политического авторитета. Требованиям казахского хана оренбургский губернатор дал следующее объяснение: «Абулхаирханские о баранте требования с того времени начались, когда он вознамерился усиливать себя над владельцами Средней орды и сего домогался, чтоб по его письмам удерживать и освободить из чего его интрига и намерки к усильству довольно видимы были. Но сходно ль с интересом Ее Императорского Величества, чтоб над столь многочисленным народом, каковы обеих орд киргизцов, владельцев их к таким мерам допускать, чрез которые они могут один над другим усиливаться» [9. Л. 100]?

Скептическое отношение к баранте И.И. Неплюев связывал и с собственным, как он считал неудачным, опытом ее применения. В 1743 г. возле крепости Рассыпной казахи захватили и увели в плен 82 черкасов (украинских переселенцев), основавших будущее крепостное поселение. Неплюев был уверен, что подстрекателем разбойного набега был Абулхаир-хан, и в качестве ответной меры приказал атаману Яицкого войска, к которому были приписаны черкасы, взять в плен казахов из родов Младшего жуза. Яицкими казаками были задержаны четырнадцать знатных казахов. Несколько лет казахские заложники содержались в казацком плену. Двое из них за это время умерли, оставшиеся, по просьбе казаков, «что корм на них напрасно происходил», были отпущены в родовые кочевья [9. Л. 99 об.]. Основываясь на этом инциденте, И.И. Неплюев пришел к выводу, что удержание небольших групп заложников родовая казахская знать оставляет без внимания. Если же удерживать в заложниках по пятьдесят, сто и более человек, то из опасения потери свободы казахи откажутся ездить на оренбургский торг, но вряд ли откажутся от захвата в плен российских подданных.

Видимо, последний аргумент и являлся определяющим, ведь вопрос стоял о сохранении Оренбурга как центра экономической жизни губернии, а возможно, и ее столицы. Абулхаир, а вслед за ним и его наследник Нурали-хан ходатайствовали перед правительством о переносе торгового пункта в Орскую крепость, находившуюся недалеко от кочевий Младшего жуза. За сохранение торгового пункта с казахами в Орской крепости выступал и бригадир Тевкелев [9. Л. 107 об.].

Опасаясь прослыть в глазах правительства решительным противником баранты, так как в Коллегии иностранных дел у нее могли найтись сторонники, И.И. Неплюев предложил своего рода компромиссный вариант. Он заключался в использовании для баранты крепостей за пределами Оренбургской губернии, например в Сибири. Исключение делалось для расположенной на Уйской пограничной линии Троицкой крепости, где велась активная меновая торговля с казахами Среднего жуза. Главное условие — заложников содержать в отдалении от Оренбурга, яицких форпостов и Гурьева с

его казенными рыбными промыслами. Главному начальнику Оренбургского края И.И. Неплюев отводил роль посредника, что также должно было привлекать казахских старшин к посещению губернского города [9. Л. 101].

Коллегия иностранных дел доводы И.И. Неплюева не поддержала. Ее резолюция напоминает выговор высокопоставленному чиновнику регионального уровня за упущения в работе. Те аргументы, которые, как считал оренбургский губернатор, свидетельствовали против использования баранты, Коллегия оценивала в пользу ее применения. Так, опыт Хивы и Бухары показал, что она, как менее затратное средство по сравнению с применением войск, позволяет добиваться нужных результатов. И.И. Неплюеву напомнили его же донесение от 30 июня 1747 г., в котором говорилось, что после того, как казахи совершили грабительский набег на живших вблизи Хивы аральцев, в Хиве были задержаны 150 казахских торговцев и вскоре все награбленное их сородичами имущество было возвращено. В том, что джунгары предпочитали действовать против казахов не барантой, а военной силой, объяснялось их планами покорения казахских жузов [9. Л. 101 об.].

По-иному виделись в Коллегии иностранных дел и последствия использования баранты в 1743 г. Будто бы сам хан Абулхайр, когда убедился, что русское правительство не подчинится его условиям и в обмен на освобождение пленных россиян не отпустит из аманатов его сына, вынужден был содействовать их освобождению. Именно хану, а не И.И. Неплюеву, как это следовало из донесений оренбургского губернатора за прошлые годы [15. С. 305], приписывалась инициатива задержания трех его посланников: «дабы между тем свойственники их в отыскании тех пленных ему, хану, помогли, почему оные в Москве и продержаны» [9. Л. 101 об.]. Свою лепту внесло и задержание четырнадцати казахов в Яицком городке. Под влиянием этих акций, по сведениям Коллегии, за три года из казахского плена в Оренбург были отпущены 57 человек, и сам И.И. Неплюев признал, что «россиян в киргис-кайсацких улусах, кроме умерших и в другие владения проданных, не осталось» [9. Л. 102].

Ответственность за задержание Абулхайром переводчика и не возвращенных в 1747 г. российских пленных Коллегия иностранных дел также возложила на Неплюева. Своим недоверием губернатор оскорбил и озлобил хана. Казахский правитель, минуя главного начальника Оренбургского края и своего непосредственного куратора, разъярял чиновников дипломатического ведомства, что задержание по его указанию казахов, приезжавших на Оренбургский меновой двор, было призвано обеспечить безопасный проход торговых караванов. Абулхайр-хан уверял, что баранта — лучшее средство принуждения казахов к исполнению императорских указов: «от такого киргис кайсаков задержания, не только в Оренбургском торгу помешательства не будет, но и других худых никаких следствий быть не может» [9. Л. 104].

Далее в качестве примера для подражания приводился введенный при Аюке-хане порядок рассмотрения жалоб жителей Астраханской губернии на «во-

ровские поступки» калмыков в Калмыцком ханстве. Русские истцы могли обратиться в учрежденный ханом суд (зарго), в котором заседали зайсанги из всех калмыцких улусов. Если суд выносил решение в пользу русского истца, то устанавливался срок удовлетворения иска, заключающийся, как правило, в производстве платежа (возвращении скота и имущества). Если платеж в указанный срок не производился, истец имел право, удостоверенное в письме с ханской печатью, забрать из улуса ответчика баранту. Обычно практиковался захват истцами нескольких улусных людей, из которых один, самый неимущий, отправлялся в улус с ханским письмом. Были случаи, когда и без ханских писем русские брали в баранту заложников. В периоды таких конфликтов калмыки до удовлетворения иска прекращали ездить на ярмарки в российские города. В таких случаях в калмыцких кочевьях распространялись слухи, что в баранте удерживаются только калмыки из тех улусов, в которых укрываются ответчики, и торговые отношения вскоре возобновлялись. Поиск облегчало то обстоятельство, что жители соседних с калмыцкими кочевьями селений разбирались в их улусной принадлежности и имели среди калмыков много знакомых. Нередко сами калмыки за небольшую плату помогали русским истцам отыскивать их калмыцких обидчиков [9. Л. 104–105].

После исторического экскурса, обосновывавшего правомерность использования баранты в отношениях с кочевыми народами, Коллегия иностранных дел пришла к однозначному заключению: «По вышеписанным обстоятельствам рассуждается и у киргис кайсака отныне баранту брать» [9. Л. 105 об.]. Прибегать к ней допускалось, когда становилось известно о захвате казахами людей, угоне скота и лошадей, грабеже или укрывательстве в казахском улусе (родовом кочевье) беглых российских подданных. За основу был взят порядок, сложившийся в отношениях с калмыками у администрации Астраханской губернии. Баранту допускалось производить с ведома оренбургского губернатора. Но прежде предписывалось донести хану о чинимых его подданными обидах и требовать возмещения убытков и наказания виновных. Ханское согласие на задержание заложников в российских крепостях требовалось в том случае, если казахский правитель не был в состоянии принудить ответчиков удовлетворить претензии потерпевших либо когда связаться с ханом не представлялось возможным. Главным условием задержания заложников была их родственная связь с лицами, подозреваемыми в совершении преступления.

Частично были учтены и опасения И.И. Неплюева по поводу возможного усиления одного казахского правителя над другими. Коллегия иностранных дел подтверждала, что баранту можно «чинить»/по требованию Нурали-хана, но только «по учиненным к российской стороне обидам». Как фактор сдерживания хана от злоупотребления властью указывалось содержание в аманатах его сына и сыновей казахских старшин. С другой стороны, принижение ханской власти признавалось еще более опасным, чем ее возвеличивание: «А ежели хана до малого над киргизцами усиле-

ния не допускать, то уже и звание ево будет пустое и иждивение, употребленное при конфирмации ево пропадет напрасно, ибо он киргизцов от обыкновенного их воровства унимать будет не в состоянии и так того и взыскать будет не на ком» [9. Л. 107].

Как верно подметил знаменитый историк литературы и культуролог Ю.М. Лотман, И.И. Неплюев по характеру был человек «точный, расположенный к документам, фактам, а не к переживаниям» [17. С. 344]. К тому же он не имел покровителей при елизаветинском дворе. Оренбургский губернатор не только подчинился правительственному требованию использования баранты в качестве способа умеренного силового воздействия, но и стал ее активным борником. В архивных документах, датированных первой половиной 1750-х гг., отложились сведения о двух конфликтных ситуациях, для разрешения которых И.И. Неплюев требовал задержания заложников.

Первый из них был связан с обострением политической ситуации в Хивинском ханстве. Туда в 1753 г. с торговым караваном были направлены из Оренбурга переводчики Яков Гуляев и Петр Чучаев – в качестве посредников для разбора претензий хивинского купечества на разграбление их караванов казахами Младшего жуза. Незадолго до прибытия русской миссии Каип-хан расправился с предводителями нелояльного узбекского клана мангытов. По его приказу было казнено 60 представителей этого рода [18. С. 109], в том числе и Хораз-бек (в документе – Курасбек С.Д.). В стране начались народные волнения. Под подозрение попали и русские переводчики. У них были найдены и отобраны письма бригадира А. Тевкелева к Хораз-беку. Это обстоятельство навело Каип-хана на мысль, что русская миссия направлена к нему не для посредничества в разбирательстве ссор, а исключительно с разведывательными целями. Переводчики были задержаны. К ним запрещалось допускать находившихся в Хиве русских людей. Одновременно хан распорядился отобрать у русских купцов товары, оцененные в 6 тысяч червонцев. Купцам по этому поводу было объявлено, что товары у них взяты в долг и после прекращения народных волнений и возвращения долга они смогут вернуться на родину. Деньги понадобились хивинскому правителю для подкупа туркменской знати, которая помогла ему сохранить трон [18. С. 109].

В сложившихся обстоятельствах баранта оказалась единственным средством, способным оказать давление на хивинского хана. Губернатор Неплюев предложил Коллегии иностранных дел начать действовать с двух направлений: с одной стороны, требовать от Нурали-хана приложить старания к пленению хивинцев, с другой – задержать в Оренбурге приехавших на оренбургский торг четверых хивинцев и трех туркмен, подданных хивинского хана. Пребывание в России последних предполагалось затягивать под предлогом проволок с производством таможенных сборов [10. Л. 33–34].

Коллегия одобрила предложение И.И. Неплюева с незначительными уточнениями. У взятых в баранту хивинских купцов в Хиве должны проживать родственники не из «подлых» людей, а из таких, которые в состоянии убедить Каип-хана освободить перевод-

чиков и вернуть отобранные у российских купцов товары. На усмотрение оренбургского губернатора было оставлено и право распорядиться о взятии в плен знатных старшин Среднего жуза из ведомства Батыр-султана, отца Каип-хана [10. Л. 34–34 об.].

Однако прибегать к демонстрации силы не пришлось. Каип-хан, чье положение на хивинском престоле по-прежнему оставалось непрочным, осознал опасность вступления в войну с Нурали-ханом, за спиной которого стояла великая Российская держава. Переводчики и купцы в начале декабря 1754 г. благополучно возвратились в Оренбург. Более того, Каип-хан направил в Россию своего посланника Ширмухамета. В знак примирения хивинский правитель освободил и отпустил в Оренбург пятерых российских невольников – четырех христиан и одного татарина. Один из них, московский поляк Василий Михайлович Чернышев, состоявший денщиком при князе А. Бековиче-Черкасском, находился в хивинском плену 37 лет. В Оренбурге он дал подробные показания о гибели князя и разгроме возглавляемой им миссии в 1717 г. [11. Л. 365].

Второй случай применения баранты, имевший локальный фронтальный характер, был произведен в полном соответствии с прописанным Коллегией иностранных дел сценарием. В том же 1754 г. в Военную походную канцелярию оренбургского губернатора И.И. Неплюева по заграничной экспедиции поступило донесение, поданное в Гурьеве казаком Красногорского городка Алексеем Верчиным. А. Верчин просил содействия в освобождении сына Василия, плененного казахами еще в 1747 г. Как выяснил Верчин, сын его находился в кочевье у знатного старшины из Бершинского рода Сахандык Берши. Донесение подсказывало и способ к освобождению Василия Верчина. И сам старшина, и казахи из его улуса часто приезжали по торговым делам и другим нуждам в Гурьев городок и другие яицкие форпосты, что давало повод к их задержанию. В круг предполагаемых к задержанию лиц И.И. Неплюев включил самого Сахандык Берши, его сыновей и родственников, с обязательным для всякого случая применения баранты пояснением: «но люди были бы не подлые, чтоб родственники их прилежнее стараться за них принуждены» [11. Л. 119 об.].

30 марта 1755 г. походный атаман Яицкого войска Филипп Мусатов рапортовал о задержании и отправке в Гурьев сына Сахандыка Берши, Тугунай-батыра и двух его родственников. Операция по обмену заложниками завершилась в течение двух дней. 2 апреля гурьевский комендант капитан Рогов поручил посреднику Каракулу Клычеву доставить Василия Верчина в Гурьев. На следующий день, 3 апреля, сам Нурали-хан передал пленного яицкого казака, служившего при яицких форпостах, поручику князю Уракову. В свою очередь, капитан Рогов распорядился отпустить из Гурьева всех казахских заложников, а Василия Верчина отправить к отцу [11. Л. 133–134].

Таким образом, баранта, как способ разрешения локальных конфликтов в зоне Юго-восточного фронта Российской империи, была заимствована у кочевых народов Евразийской степи. Инициатором ее применения в Оренбургском пограничье выступил правитель Младшего жуза хан Абулхаир. Ему, его

сыну, Нурали-хану, и бригадиру А.И. Тевкелеву удалось убедить правительство в целесообразности применения этой меры для разрешения конфликтных ситуаций. Напрасными оказались опасения оренбургского губернатора И.И. Неплюева, что баранта приведет к озлоблению казахской знати, отказу казахов от поездок на меновую торговлю в Оренбург, блокированию ими караванных путей и, наконец, к их отказу содействовать в освобождении взятых в баранту родственников. Безусловно, с точки зрения международ-

ного гуманитарного права применение круговой поруки, лишение свободы и возложение ответственности на невинных людей за преступления, совершенные их родственниками, по самой своей сути является преступным. Однако в реалиях XVIII столетия этот способ пресечения локального конфликта ограничивал потенциал его дальнейшего роста, обеспечивал правовую базу для ведения переговоров и удовлетворения претензий конфликтующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1994. 46 с.
2. Абдилдабекова А.М. Россия и казахстан (XVII – начало XX века) : вопросы историографии : учеб. пособие. Алматы : Казак университети, 2007. 136 с.
3. Отепова Г.Е. Правовые основы колонизации Казахстана : учеб. пособие. Павлодар : ПГПИ, 2012. 229 с.
4. Любичанковский С.В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 20.08.2020).
5. Lyubichankovskiy S., Dmitriev V.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1010–1024.
6. Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. : от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21.
7. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 484–495.
8. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, is. 3. P. 970–979.
9. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
10. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
12. Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 68–76.
13. Государева М.Ю. К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // *Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23-24 апреля 2015 г. Рязань : Концепция*, 2015. С. 192–193.
14. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1971. 273 с.
15. Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках : сб. док. и материалов. Алма-Ата : АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14.
17. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука-Атикус, 2016. 608 с.
18. Почаев Р.Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 414. С. 108–113.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 февраля 2021 г.

Baranta as a Way to Resolve Local Conflicts in the South-Eastern Frontier of Russia in the 1740s–1750s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 107–113.

DOI: 10.17223/15617793/469/14

Stepan V. Dzhundzhuzov, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: djund@yandex.ru

Keywords: baranta; governor; hostage-taking; conflict; law; frontier.

The article examines the rationale and use of baranta (hostage-taking) by the Russian authorities as a legal institution in relations with the nomadic peoples of the South-Eastern frontier in the 1740s–1750s. The documentary basis for the study was materials from the fund of the Orenburg Provincial Chancellery of the State Archive of Orenburg Oblast: the decree of the Collegium of Foreign Affairs on the expediency of using baranta, orders of the Orenburg governor I.I. Neplyuev, and reports from officers about its actual use. It follows from these documents that “baranta” was understood in a narrower sense, in comparison with the dictionary interpretation of this term. The question was raised about the legality of taking hostages from representatives of Kazakh families whose relatives were suspected of committing crimes against Russian subjects or the economic interests of the Russian Empire. As a way to resolve local conflicts in the zone of the South-Eastern frontier of the Russian Empire, baranta was borrowed from the nomadic peoples of the Eurasian steppe. Its use in the Orenburg border area was initiated by the ruler of the Younger Zhuz, Khan Abulkhair. Khan Abulkhair himself, his son Nurali Khan, and the brigadier A.I. Tevkelev managed to convince the government of the advisability of using this measure to resolve conflict situations. Baranta was allowed when there occurred seizures of people by Kazakhs, thefts of cattle and horses, robberies or harboring of runaway Russian subjects in Kazakh uluses. The basis was the order that had developed in relations with Kalmyks by the administration of Astrakhan Province. The Orenburg governor was to be informed on the use of baranta. Governor Neplyuev’s feared that baranta would anger the Kazakh nobility, that Kazakhs would refuse to travel for exchange trade to Orenburg, would block the caravan routes, and, finally, would not assist in releasing relatives. This never occurred. The Orenburg governor not only obeyed the government’s requirement to use baranta as a method of a moderate use of force, but also became its active advocate. Certainly, from the point of view of international humanitarian law, the use of mutual responsibility, imprisonment and the imposition of responsibility on innocent people for crimes committed by their relatives is inherently criminal. However, in the realities of the 18th century, this method of suppressing local conflicts limited the potential for its further growth, provided a legal basis for negotiating and satisfying the claims of the conflicting parties.

REFERENCES

1. Abdurakhimova, N.A. (1994) *Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane* [Colonial system of power in Turkestan]. Abstract of History Dr. Diss. Tashkent.
2. Abdildabekova, A.M. (2007) *Rossiya i Kazakhstan (XVII – nachalo XX veka): voprosy istoriografii: ucheb. posobie* [Russia and Kazakhstan (17th – early 20th centuries): issues of historiography: textbook]. Almaty: Kazak universiteti.
3. Otepova, G.E. (2012) *Pravovye osnovy kolonizatsii Kazakhstana: ucheb. posobie* [Legal bases of colonization of Kazakhstan: textbook]. Pavlodar: PGPI.
4. Lyubichankovskiy, S.V. (2019) Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach. *Istoriya*. 10. [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (Accessed: 20.08.2020). (In Russian).
5. Lyubichankovskiy, S. & Dmitriev, V.V. (2017) The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 45 (3). pp. 1010–1024.
6. Izbasarova, G.B. & Lyubichankovskiy, S.V. (2018) Pristavstva on the Outskirts of the Russian Empire in the 18th - First Half of the 19th Century: From a Personal Position to a Management System. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 2. pp. 13–21. (In Russian).
7. Lyubichankovskiy, S. & Akanov, K. (2018) Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye Gody*. 48 (2). pp. 484–495.
8. Dzundzhuzov, S.V. & Lyubichankovskiy, S. (2018) The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842). *Bylye Gody*. 49 (3). pp. 970–979.
9. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 19.
10. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 32.
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 33.
12. Izbasarova, G.B. (2018) A.I. Tevkelev's State Activity on the Implementation of the South-Eastern Policy of the Russian Empire in the 18th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 68–76. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/10
13. Gosudareva, M.Yu. (2015) [On the diplomatic preparation for the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva* [Man, image, word in the context of historical time and space]. Conference Proceedings. 23–24 April 2015. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 192–193. (In Russian).
14. Basin, V.Ya. (1971) *Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vv.* [Russia and Kazakh khanates in the 16th–18th centuries]. Alma-Ata: "Nauka" Kazakhskoy SSR.
15. Academy of Sciences of the Kazakh SSR. (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh: sb. dok. i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 17th–18th centuries: documents and materials]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR.
16. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 14.
17. Lotman, Yu.M. (2016) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint Petersburg: Azbuka-Atikus.
18. Pochekaev, R.Yu. (2017) The State Structure and Law of Central Asia Khanates in the Notes of Russian Travelers of the 18th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 108–113. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/17

Received: 02 February 2021